

S T U D I A P H I L O L O G I C A

А. С. Дёмин

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
КАК ЛИТЕРАТУРА
(О манерах повествования и изображения)

Ответственный редактор
доктор филологических наук В. П. Гребенюк

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 82
ББК 83.3(2Рос=Рус)3-001.3
Д 30

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16105

Демин А. С.

Д 30 Древнерусская литература как литература (О манерах повествования и изображения) / Отв. ред. док. филол. наук В. П. Гребенюк. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 488 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9906039-1-2

Парадоксальное название книги «Древнерусская литература как литература» поясняется в подзаголовке: «О манерах повествования и изображения». Имеется в виду изучение выразительности, образности и образности изложения в древнерусских литературных памятниках XI—XVII вв. Книга состоит из 26 очерков, которые расположены по хронологии произведений, — от старейших апокрифов до «Повести о Еруслане Лазаревиче» по списку 1710-х годов.

Книга предназначена, как определил один аспирант, — «для тех, кто привык читать книги».

**УДК 82
ББК 83.3**

ISBN 978-5-9906039-1-2

© А. С. Демин, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Немного о предмете изучения: художественное источниковедение древнерусской литературы	9
Изобразительные описания в древнейших апокрифах и старейшей летописи	11
Осмысление библейских сюжетов в древнерусских литературных памятниках XI—XII вв.	20
I. «Повесть временных лет»: летописец как писатель-мыслитель	20
Летописец как писатель-политик и этик	21
Летописец как писатель-историософ и философ	47
Летописец как ритор	54
Вопросы перевода	61
II. «Слово о Законе и Благодати» Илариона: интимно-физические мотивы.	67
III. Письмо Владимира Мономаха: внимание к эмоциям	70
IV. «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора: склонность к штампам	71
V. Послание Климента Смолятича: полемический темперамент	73
VI. «Киевская летопись»: официозность летописца	76
VII. «Слова» Кирилла Туровского: изобретательный растолкователь	81
«Притча о человечьстей души и о телеси»	81
«Сказание о черноризьчьстемь чину»	82
«Слово о сънятии тела Христова с креста»	83
«Слово о расслабленемь»	84
«Опредмечивание» абстрактных понятий и поэтика превращений в древнерусских произведениях XI—XII вв. («Слово о Законе и Благодати», «Сказание о Борисе и Глебе», «Слово о полку Игореве»)	90

Предсказания в древнерусской литературе XI—XVII вв.	103
«Зверскость» злодеев в древнерусской литературе XII—XVII вв.	128
Летописные концовки и умонастроения летописцев XI—XVI вв.	141
«Картинки» окружающей среды и причины их формирования в древнерусских летописях и повестях XII—XIII вв.	157
Литературные циклы в «Лаврентьевской летописи» и в летописях XII—XIII вв.	175
Изобразительный фон в «Слове о полку Игореве» и архаичность его повествования.	194
Социальный облик автора «Жития Александра Невского»	205
«Житие Александра Невского» и летописание XII в.	214
Парные словосочетания как экспрессивное средство в древнерусских воинских повестях XV в.	223
О слабоизобразительных литературных средствах («Житие Стефана Пермского», «Домострой», «История» Палицына)	228
О типе литературного творчества составителей «Псковской второй летописи»	238
Изобразительная анималистика «Сказания о Мамаевом побоище»	247
«Сказание о Мамаевом побоище»: роль чувств	258
Из истории литературных циклов в XVI—XVII вв. («Казанская исто- рия», «Летописная книжица», «Житие» Аввакума)	266
«Казанская история»: двуликий автор	280
Древнерусское витийство в исторических произведениях второй половины XVI — начала XVII вв. («Степенная книга», «Пискаревский летописец», «Временник» Ивана Тимофеева)	291
«Подтвердительная» повествовательная манера «Степенной книги»	301
Литературные новации «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»	316
О манере повествования в «Повести о Еруслане Лазаревиче»	326
Реально-бытовые детали в «Житии» протопопа Аввакума	340

Общественные настроения XVII в. по литературным памятникам (старопечатные книги, повести, исторические и стихотворные сочинения, грамоты)	358
Начало XVII в.: «великая слабость и небрежение» общества в православии	358
Конец 1610-х — 1630-е годы: убоготворенность и уступчивость верхов общества	372
Конец 1630-х — 1640-е годы: благодушные верхов общества и назревание недовольства низов	394
1650-е — первая половина 1660-х годов: стремление верхов к умиротворению общества, но отгороженность от «нагих-босых»	416
Конец XVII в.: в атмосфере социальной вражды	438
Повторяющиеся мотивы и мирские интересы в цикле рассказов «Физиоло́га» по списку ГИМ, собрание Уварова, № 515	471
Список сокращений	481
Указатели имен исследователей (<i>сост. И. А. Полосухина</i>)	483

НЕМНОГО О ПРЕДМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Что такое манера литературного повествования? Это смысл форм и выразительность средств, а также изобразительные темы и мотивы в произведении.

В предлагаемой книге манера повествования древнерусских писателей изучается в виде очерков по хронологии памятников, то есть книга относится к области источниковедения, но источниковедения особого, — художественного. Историю же повествовательных манер напишет кто-то из будущих исследователей, если интерес к этой теме не исчезнет.

Манерами древнерусского повествования так или иначе, но конкретно занимались многие русисты-медиевисты. Особенно плодотворны и поучительны труды А. С. Орлова, В. В. Виноградова, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, а в настоящее время — работы Н. С. Демковой, В. В. Калугина, А. А. Пауткина, А. М. Ранчина.

Резонно спросить, а зачем все это нужно? Это нужно в идейной сфере для того, чтобы охарактеризовать настроения, представления, философию авторов, а в эстетической сфере — чтобы оценить степень литературности произведения. Обычно к литературным причисляли и причисляют памятники по общему впечатлению, по интуиции, на основе отдельных примеров из текста. Изучение манер повествования заставляет систематически заниматься объективными данными в текстах и доказательно истолковывать их.

Термин «художественное источниковедение» все-таки непривычен. Вот почему предлагаемая монография называется более понятно — «Древнерусская литература как литература»: такое заглавие подразумевает исследование выразительности, изобразительности и образности

древнерусских произведений XI—XVII вв. Под этим названием отделом древнеславянских литератур ИМЛИ была проведена серия конференций в Литературном институте.

Автор отказался делить книгу на части или главы. Каждый очерк самоценен, а вместе они образуют цикл. При беглых упоминаниях заслуг исследователей обычно не делаются библиографические ссылки, потому что теперь подробные справки можно навести в интернете и избежать перегрузки книги примечаниями.

И последнее. Для кого эта монография? Как выразился один аспирант, «для тех, кто привык читать книги», и, добавим, для тех, кто интересуется древним искусством слова.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕЙШИХ АПОКРИФАХ И СТАРЕЙШЕЙ ЛЕТОПИСИ

О древнерусских апокрифах литературоведы написали много, большей частью о крупных категориях: об истории текстов, темах и идеях, сюжетах и жанрах (широким подходом к апокрифам особенно отличилась М. В. Рождественская). Наш же подход иной, нас интересует теоретический вопрос: как появилась образность в древнерусской литературе и каковы были предпосылки этого примечательного явления. Ведь без образности литература — это не литература.

Художественную ценность древнерусских апокрифов исследователи отмечали издавна, но обоснованием этого, то есть прежде всего систематическим обзором изобразительных средств, не занимались: руки не доходили до вроде бы неинтересных «мелочей», так как изобразительные описания в апокрифах обычно кратки, а изобразительные средства минимальны.

Так-то оно так, но образность как раз и начиналась с мелочей, и на них стоит обратить внимание.

Мы рассмотрим только те апокрифы, которые раньше всего перевели на Руси. Их более 30¹. Начнем с изобразительных средств в самых выигрышных, на наш взгляд, описаниях внешности внеземных персонажей.

Эти описания внешности можно разделить на несколько важнейших видов по способам и градации изобразительности, в основе которой лежит необычность данного объекта сравнительно с обычным земным объектом. Описания первого вида содержат гиперболические детали (когда речь идет о человекоподобных персонажах). Например, в «Книге Еноха Праведного» сторожи ада казали «зубы ... обнажены до перси их»²; в «Хождении апостола Павла по мукам» у немилостивых ангелов «зубы ... превосходяща выше устну» (т. 2, с. 42).

В описаниях второго вида вземные существа присоединяли к себе части тела, несвойственные их собратьям на земле. Так, в «Завете Нефталимове» «унець ... имея ... крила орли на хребте его» (т. 1, с. 202); в «Откровении Авраама» змей «руце же и нозе имьи подобно человеку, и крыле на плещю его, — 3 одесную его и 3 ошую его» (т. 1, с. 47); в «Епистолии Иисуса Христа» ниспосылаемые на землю птицы «имуща главы лвовы, а крила орля, и в перия место власы женьския велики, и во опаши место опаши коньския, и будутъ, яко и кони» (т. 2, с. 347—348).

В описаниях третьего вида благодаря сравнениям на один объект переносились не части, а качества совсем другого объекта, и объект как бы «переливался» или превращался в другой объект, в слитность объектов. Вот некоторые примеры. В «Варфоломеевых вопросах» у дьявола «уста ... яко пропасть велика» (т. 2, с. 22), уста = глубокая пропасть. В «Вопросах Иоанна Богослова Господу» у антихриста «власы главы ... остри, яко стрелы» (т. 2, с. 176), волосы = острые стрелы. В «Хождении апостола Павла по мукам» у ангелов немилостивых «очеса ... светяхуся, акы звезда, восходящая заутра» (т. 2, с. 42), очи, как светящаяся Венера. Это уже образы.

Но не может ли быть так, что все приведенные примеры изобразительны только для нас, но не воспринимались таковыми в те далекие времена? Прямых отзывов на этот счет, конечно, нет. Косвенные же данные все-таки позволяют предположить, что к изобразительности своих описаний составители апокрифов стремились вполне сознательно, о чем свидетельствует обилие предметных описаний необычной внешности персонажей в апокрифах, а также то, что разного рода необычные детали сочетались в том или ином описании в отчетливый изобразительный мотив. Так, в «Варфоломеевых вопросах» в описании внешности дьявола проведен был мотив «нехорошего» горения: «огненными веригами связан ... лице же его, яко моланья; очи же его, яко искрие; от ноздри его исходяще воня смердяще» (т. 2, с. 22).

Однако изобразительность повествования все же не была самоцелью у составителей апокрифов. Вот, к примеру, образность описаний обычно возникала случайно. Такие описания редки и не совсем ясны, так как перенос качества с объекта на объект лишь подразумевался, притом мимоходом. Например, в «Вопросах Иоанна Богослова Господу» у антихриста «персти ему, аки и серпи» (т. 2, с. 176): острота, изогнутость и зазубренность серпов переносились на руки персонажа, так может показаться нам. Но контекст не позволяет утверждать, что дан-

ная ассоциация у данного автора существовала в данный момент и что автор не отделался просто традиционным сравнением.

Объяснить появление изобразительных описаний внешности персонажей с необычными предметными деталями (традиционными и нетрадиционными) можно более широкой целью составителей, чем изобразительность. Главной целью составителей (и переводчиков) апокрифов была *выразительность* повествования. Правда о подобной цели прямо они не заявляли. Но недаром все зрители небесного и подземного миров трепетали, ужасались и даже теряли сознание от необычности увиденного ими.

Но зачем тогда понадобилась авторам и переводчикам вся эта выразительность? Дело в том, что составители включали в апокрифы что-то вроде «путеводителей» по небесам и аду, по библейской истории и концу мира; такие «путеводители», как мы думаем, помогали читателям ясно представить внеземной мир и, наряду со всяческими разъяснениями, требовали впечатляющей предметности описаний, притом не только персонажей.

Поэтому выразительными описаниями самых различных объектов среди старейших апокрифов выделялись как раз «хождения», особенно «Откровение Авраама», «Хождение Агапия в рай», «Хождение апостола Павла по мукам», «Хождение Богородицы по мукам». Так, в путешествии Авраамия по небесам выразительно описывались не только внеземные персонажи, но и всё остальное: предметы с фантастическими деталями («видехъ ... колесницу, колесы огньнъ, коежде коло полное очесь окрестъ» — т. 1, с. 44), гиперболические звуки (целый образ): «глас бысть въ огни, яко глас водъ многъ, яко глас моря въ възмущении его», так что потрясенный Авраам, по его признанию, «хотехъ пасти ничь на земли» — т. 1, с. 42).

В «хождениях» по небесам встречался и четвертый вид изобразительно-выразительных описаний — приобретение людьми необычных свойств, помогающих «путевождению». Так, в «Откровении Авраама» герой, внимая ангелу, необычайно долго обходится без еды и питья («40 днии и ноции и хлеба не яхъ, ни воды не пихъ, зане брашно мое бяше и питие мое зрети на ангела, сущаго со мною, и беседа его, яже со мною» — т. 1, с. 40) и наделяется необычайной остротой зрения, глядя с третьего неба («смотрихъ подъ простертие ножное и видехъ подъ 3 небе се ... землю и плоди ея ... и преисподьяня ея ... и бездну ... Видехъ ту море, и островъ его, и скоты его, и рыбы его ... и уселеную... Видехъ ту

реки... И видехъ ту садъ едемъ и плодъ его ... и дубие его... И видехъ ту народъ многъ, — мужь, и женъ, и детеи» и т. д. и т. п. — т. 1, с. 45—46).

В апокрифах о путешествиях к земному раю (эдему) по мере приближения к нему тоже сгущались «путеводительные» эпизоды с гиперболическими и необычными деталями (вроде «Слова о трех мнисех»: «узрехом ... мужа велика, в высоту 100 локоть, и бяше привязанъ веригами медяными по всему телу, и пламянь паляше все тело его, — мы же от страха покрывше лице свое» — т. 2, с. 61); затем: «и бяху ветри в земли тои ... западный ветръ зеленъ тварью; а от вѣстока солнцю — от рая — рыжь ветръ, яко желтъ; а от полунощи ветръ, яко кровь чиста; а от полудневныя страны ветръ белъ, яко снегъ» — т. 2, с. 63; и пр.).

В апокрифах же «без путешествий» изобразительно-выразительные описания бывали лишь единичными — как частные добавления к полным «путешествиям» (например, в «Вопросах Иоанна Богослова Господу» упоминались на небе «книги лежаща ... 7 горъ толщина их» — т. 2, с. 175; в «Завете Левгине» патриарх во сне видел «воду висящую» между вторым и первым небом — т. 1, с. 102; в «Лествице Иакова» персонаж опять-таки во сне видел гигантскую лестницу: «се лествица бяше утвержена на земли и досягъше небесе ... и се ангели Божии всхожахуть и низъхожахуть по ней ... излиха страшно» — т. 1, с. 91).

Мы обозрели «путеводители» по небесам; но выразительные предметные описания в апокрифах изображали и необычные земные события, необычные, как правило, в результате вмешательства небесных сил. Все четыре вида изобразительных описаний, названных выше, присутствовали и здесь. Необычные предметы спускались с небес (например, в «Исходе Моисееве» на горе Моисею «скрижали камены ... вда Богъ ... исправлены, яко сребро, въ гласе трубнемъ, въ громе, и въ молнияхъ, и въ главняхъ огненныхъ» — т. 1, с. 252) или необычными становились предметы на земле (так, в «Смерти Авраамове» Авраам с архангелом Михаилом «придоста близ реки и обретоста дубъ велик ... и слышаста глас, глаголющъ от ветвии к нима ... и слышав Авраамъ гласа того, устращися» — т. 1, с. 80). Упоминания о предметах изредка приобретали даже некоторую образность (так в «Паралипоменоне Иеремии» оживал камень: «приимъ камень челоувечьскыи глас и възпи» — т. 1, с. 283; в «Никитином мучении» «пила, яко воскъ, бысть» — т. 2, с. 118).

Чаще же всего описания необычного поведения именно людей и животных, притом не на небе, а на земле, выделялись своей выразительностью. И тут тоже воздействовали небесные силы на земных

персонажей. Вот некоторые примеры из очень многих. В «Хождении апостолов» апостол Андрей, увидя «жену нагу», пожелал: «Да обисит жену сию за власы на аере, ... и абие ... восхити ю ангель и повеси за власы» (т. 2, с. 9). В «Исходе Моисееве» Бог, наказывая египтян, «наведе на землю их жабы; и пиюще воды, и внидяху въ чрева их жабы, и тако в них крекаху» (т. 1, с. 248). В «Евангелии Иакова» была нарисована картина необычайной застылости на земле перед рождением Иисуса Христа: Иосиф «възревъ на землю, видевь овца стояща; и видевь делателя възлежаща, и беяху руки ихъ въ опаници (блюде), и взимающе, не приношаху къ устомъ своимъ, и жующе, не жваху; ... и възведе пастырь жезль свои ... и рука его дръжашеся горé; и възревъ въ потокъ, видехъ уста козлищъ прилежаща и не пиюща»⁴.

Образные описания поведения и свойств земных персонажей время от времени появлялись и здесь. Например, в апокрифах о Мельхиседеке этот персонаж родился из мертвой матери почти что взрослым («изыде отрокъ из мертвы Софонимы, и седяше на одре ... и одеяние на нем ... бяше отрокъ свершенъ телом, глаголаше усты своими ... и славень взором» — т. 1, с. 27); а став взрослым, Мельхиседек превратился в почти что зверя («пришедъ въ чашу леса ... нагъ ... и хребеть бысть, яко же лвина кожа; корьмля же его бе вершия дубное, а в воде место росу лизаша»)⁵.

Все подобные описания людей и предметов составители апокрифов использовали тоже ради впечатляющей выразительности, но не страшенности. Поэтому зрители этих чудес чаще удивлялись, чем устрашались.

Выразительные описания необычного поведения земных персонажей понадобились уже не для создания систематических «путеводителей», а вероятнее всего, для накопления отрывочных эпизодов человеческой истории под патронажем небесных сил, как разрозненные дополнения к Библии. Другого объяснения подыскать не удается.

Кроме выразительных эпизодов чудес в человеческой истории, в апокрифах существовала еще одна «история» — обыденная, бытовая. Упоминаний быта в апокрифах было немного. Изобразительность бытовых описаний достиглась иным способом: предметностью деталей, хорошо знакомых, как говорится, тысячу раз виденных читателями и поэтому мгновенно представимых, но на фоне чудесных событий. Так, апокрифы упоминают немало реальных хозяйственных предметов и домашних животных в благочестивых сюжетах (например, в «Откровении Авраама»: «напоихъ осла и положихъ ему сена» — т. 1, с. 34;